

Светлана Алешина

Любовь зла

Часть сборника
Преступление без наказания
(сборник)

Папарацци

Светлана Алешина

Любовь зла

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Любовь зла / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Папарацци)

«...Капитан, с облегчением вздыхая, поспешно увлек меня в подъезд.— Вот ведь настырная... — пробурчал он. — Идемте, идемте, это ненадолго. Нам на третий этаж.— А... э... — растерянно помякала я для приличия, хотя ноженьки сами несли меня наверх, едва не опережая капитана. Нечасто приходится нам, журналистам, добираться до места происшествия с таким комфортом.— Ничего не трогайте, — предупредил меня капитан. — Ваша задача — просто смотреть, а потом вы распишетесь в протоколе осмотра места происшествия, тем самым подтвердив, что присутствовали при всех совершаемых нами действиях.— А что случилось-то?— Парня этого убили. Вам плохо не будет?Я храбро помотала головой...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Светлана Алешина

Любовь зла

Глава 1

Наверное, многие замечали такую закономерность: стоит машине выйти из строя, так и погода сразу становится хуже некуда. Непролазная слякоть, ветер и дождь или пекло и пыль – вариантов много, но в моем случае погода избрала для меня первый вид наказания.

Стоя на остановке, я сиротливо куталась в плащик и жалела себя, несчастную. Конечно, что-то я смогла предусмотреть – надела старый плащик вместо нового, недавно приобретенного роскошного пальто, взяла зонтик, натянула на ноги кожаные ботинки вместо любимых замшевых, но разве с природой поспоришь? Косой холодный ливень коварно хлестал со всех сторон, хотя неприятнее всего были глянцевые веера жидкой грязи, вылетающие из-под колес проносящихся мимо беззаботных счастливых. «О, где ты, подруга дней моих суровых?» – тоскливо думала я о своей «Ладе», ловко закрываясь зонтиком и подальше отскакивая от дороги, где хищно колыхалась бесцеремонно потревоженная очередным автомобилем бездонная маслянистая лужа.

Владельцы даже самой захудалой самоходной техники знают, что порча погоды после поломки автомобиля неизбежна так же, как после мытья одного или при сушке полотенец на балконе. Как-то там теперь моя верная-верная «Лада»?..

Проблемы начались еще рано утром по пути в аэропорт. Кряжимский, бессердечно бросив нас на произвол судьбы, улетал на юг в коротенький отпуск и попросил подбросить его до вокзала. Отдыхать он любил обстоятельно, со вкусом и комфортом, вещей всегда с собой брал много, но, когда появился в дверях подъезда с очередным необъятным чемоданом, у меня появилось подозрение: наверное, он забыл, что я езжу не на грузовой машине типа «КамАЗ», а на скромной легковушке. Моя «Лада» аж присела, когда, хлопнув багажником, на сиденье рядом плюхнулся Сергей Иванович.

Выруливая со двора, я косилась одним глазом на своего неразговорчивого сотрудника, менее всего почему-то похожего на счастливого курортника. Был он непривычно хмур, взъерошен, неопрятен и помят, как человек, который устал настолько, что махнул на себя рукой. А ведь Сергей Иванович был единственным человеком в редакции, который не зевал по утрам и всегда был на зависть собранным, точным и аккуратным. Я почувствовала укол совести – нужно было, наверное, давно отправить его в отпуск. Частенько на нем и держалась наша газета. Я выполняла свои обязанности босса постольку-поскольку, с энтузиазмом занимаясь собственно журналистикой, а нудная организационно-хозяйственная работа ложилась на плечи Сергея Ивановича. «А ведь еще сама везу незаменимого сотрудника в аэропорт», – грустно думала я, представляя себе две недели без Кряжимского. До чего же мы все привыкли друг к другу...

– Сергей Иванович, что-то случилось? – наконец не выдержала я. – На вас прямо лица нет.

– Да нет, Оля. Все в порядке. – Он помолчал, затем добавил: – Просто иногда получается так, как мы совсем не ожидаем, а порой меньше всего хотим, чтобы произошло то или иное событие.

– Может, я могу чем-то помочь? Вы же знаете, мы все готовы все сделать для вас. Готовы под самым сенсационным материалом поставить вашу фамилию, – сделала я попытку пошутить. – Готовы даже на такую жертву!

Он едва заметно улыбнулся:

– Боюсь, Оля, что здесь ничем не поможешь!

«Лада» вдруг чихнула и дернулась, бесцеремонно прерывая наш тет-а-тет.

– Уже ничего не исправишь, – бормотал Сергей Иванович, погруженный в свои невеселые мысли. – Я такое натворил, что и... – Он махнул рукой и отвернулся к окну. – Забудьте, Оленька.

Я встревоженно посмотрела на него, но тут «Лада» чихнула еще раз и затряслась.

– Нет, нет, нет! – испуганно запричитала я, мгновенно забывая обо всем. – Что с тобой, солнце мое? Ты не можешь так поступать, это нечестно! Посмотри на меня, я вон сколько тружусь – и ничего!

– Так она же не человек, – резонно заметил Кряжимский. – Но и ей отдых и забота нужны, иначе никак.

Я, увы, не принадлежу к тем чудо-женщинам, которые в подобных случаях с холодным мужеством открывают капот, хладнокровно созерцают запутанный, как разъяренные змеи в мешке, клубок проводов и прочие загадочные приспособления, находят неисправность и мгновенно устраняют ее. Мы кое-как с грозно взрывающимся мотором и частыми непредусмотренными остановками добрались до аэропорта. Времени оставалось впритык. Сергея Ивановича у меня буквально похитил невесть откуда появившийся Ромка, и, нагруженные чемоданами, они оба с удивительной быстротой исчезли с глаз долой. Я успела только помахать Сергею Ивановичу рукой, когда он, уже освобожденный от своего немислимого багажа (что же он все-таки, интересно, с собой везет?), проходил регистрацию. Рядом возник Ромка.

– Эх, море! – мечтательно произнес он, провожая глазами скрывающегося за дверями Кряжимского. – Жара, оживление, веселый шум...

– Вот-вот, прямо наша редакция, – согласилась я. – Как кстати, что рабочий день уже начался.

Ромка поперхнулся, неуверенно вякнул утратившим одушевление голосом что-то про дельфинов и чаек, но тут же воспрянул духом, ибо работу свою любил.

– Довезете? – с надеждой спросил он.

– С удовольствием бы, – мрачно ответила я. – Но боюсь, сегодня не я езжу на «Ладе», а она на мне.

Докатившись, по-другому и не скажешь, до станции техобслуживания и оставив там свой закапризничавший автомобиль, я решила забежать домой пообедать и переодеться. Небо угрожающе темнело, и в результате на работу я добралась только к трем часам, насквозь промокшая, клацая зубами от холода, но преисполненная боевого духа и упрямой бодрости.

При виде меня Маринка только пискнула и убежала варить кофе. Я едва успела снять плащ, сменить обувь, как она уже вошла в кабинет, торжественно держа поднос в руках.

– Ах, – блаженно выдохнула я, хватаясь за чашку с дымящейся жидкостью. – Ты – чудо!

– Спасибо, я знаю, – скромно ответила Маринка. – Ромка нам уже успел рассказать про твои проблемы.

Она заботливо оглядела меня и со знанием дела сказала:

– Ничто так не согревает, как кофе. С коньяком. Я подозрительно посмотрела в чашку, а подняв глаза, увидела перед собой маленькую бутылочку отличного коньяка.

– НЗ, – пояснила Маринка. – Храню специально для подобных случаев. – И умчалась, не дав обвинить себя в пьянстве на рабочем месте. Вернее, в подстрекательстве к оному.

Растроганная подобным вниманием к своей персоне, я умиротворенно села поглубже в кресле, подтянув коленки к подбородку – босс я или нет, в конце концов, – протянула руку к бумагам на столе, собираясь неторопливо просмотреть, что появилось новенького, как за стеной послышались шум и возмущенные голоса, потом дверь ко мне с грохотом распахнулась, и на пороге возник воинственного вида дедушка.

– Ага! – обличающе провозгласил он. – Я вам устрою неприятности, – и резко замолчал, ошарашенно глядя на меня, промокшую, с ногами в кресле, а главное – на бутылку коньяка, стоящую рядом.

– Вот он, вертеп, – протянул он сквозь зубы. – Зато ничтоже сумняшеся про порядочных людей пишут!

В кабинете беззвучно возник наш фотограф Виктор, при случае и телохранитель, приобнял дедушку за плечи и легонько подтолкнул посетителя к выходу. Видимо, удовлетворенный увиденным безобразием, старичок послушно позволил себя вывести, но весь вид его свидетельствовал о том, что он еще вернется.

Я вздохнула. Старичок стал редакционным бичом божьим, неведомо за какие грехи посланным на нас: как-то в одной из статей мы упомянули его внука, отбывавшего наказание в местах не столь отдаленных за вооруженный грабеж, и с тех пор от взбеленившегося родственника не было никакого спасения. Он засыпал нас гневными письмами, а администрацию – жалобами на наши клеветнические измышления, позорящие имя добрых людей и нарушающие их законные права и интересы. Проблема же состояла и в том, что были в администрации люди, тоже недолюбливавшие газету за откровенность, особенно некий Стопорецкий, как и дедушка, обиженный на одну из публикаций Кряжимского. Так что, можно сказать, различные проверки и предупреждения сыпались на нас одни за другими.

– Жди теперь вестей, – ехидно заметила с порога Маринка.

Я показала ей язык – мол, переживем, и не такое переживали.

Свои люди в стане врага – это так приятно! Моя приятельница Александра обещала предупреждать меня о новых кознях, которые приготовит нам Стопорецкий, вот я и решила заглянуть к ней, закончив вечером отбор материалов для следующего номера «Свидетеля». Впрочем, ради этого я могла к ней и не заходить, она и так всегда помогала, просто давно не виделись. К тому же, работая в администрации, Александра была просто бесценным кладом информации, и, перепрыгивая через лужи, я уже мысленно прокручивала в голове планы пары интересных статей.

Сокращая дорогу, я свернула в переулочек. Несмотря на совсем не позднее время – часов десять вечера всего, – улицы были пустынные: погода разогнала по домам даже влюбленные парочки. Здесь же почему-то было на редкость оживленно. У одного из домов стояла милицмейская машина, сутились люди.

«На ловца и зверь бежит», – заинтересованно подумала я, походкой хищника-добытчика приближаясь к месту происшествия. У подъезда остановилась еще одна машина, из нее вылез человек с сумкой и фотоаппаратом наперевес. О, да тут произошло что-то серьезное! Я предвкушала горяченькое событие, а рука сама собой уже потянулась к сумочке за телефоном – пора было набрать номер Виктора.

У подъезда, хватая себя за щеки и в ужасе качая головой, импульсивно охала плотная женщина лет пятидесяти, в накинута на плечи кожаном пальто и тапочках на босу ногу, что-то взахлеб рассказывая стоящему перед ней с каменным выражением лица милиционеру.

– А ведь так пел, так пел! – донеслись до меня обрывки фразы. – И ведь вот что еще, знаете...

Капитан уцепился за меня взглядом, как утопающий за спасательный круг.

– Минуточку, Валерия Борисовна, – кивнул он женщине, козырнул мне и представился:

– Капитан милиции Палех Андрей Сергеевич. – И торопливо добавил, осторожно обходя женщину: – Не согласились бы выступить в качестве понятой? Были бы очень признательны за помощь.

Я прямо-таки возликовала от такой удачи, но виду не подавала.

– Ой, и не знаю! – Я даже сделала маленький шагок назад, всем своим видом изображая сомнение и нерешительность. – А что случилось? Да и поздно уже как-то...

– А я вам чем не подхожу? – поджала губы Валерия Борисовна, метнув на меня ревнивый взор. – Я-то Степу и знала лучше. Соседи все же.

– Вот поэтому вам и не положено быть понятой. Вы являетесь ценным свидетелем и можете сообщить нам немало полезной информации. А понятым должен быть, что называется, человек со стороны, – терпеливо объяснил капитан, продолжая обходные маневры. – Ваши показания будут занесены в протокол и станут одним из ценных доказательств. А пока можете рассказать о том, что произошло, нашему сотруднику.

– Саша, – обратился он к совсем еще молодому человеку, только-только, наверное, еще начинающему работать, или даже стажеру, а потому полному энтузиазма и рвения. – За работу!

К облегчению капитана, Валерия Борисовна без возражений мгновенно переключилась на нового слушателя:

– Так я говорю, такой крик стоял! А к нему опять приходил тот... Я все еще удивлялась, что порядочному взрослому человеку надо от этого молодого обалдуя, бездельника певчего! А оно ведь вон как обернулось!

Капитан, с облегчением вздыхая, поспешно увлек меня в подъезд.

– Вот ведь настырная... – пробурчал он. – Идемте, идемте, это ненадолго. Нам на третий этаж.

– А... э... – растерянно померкала я для приличия, хотя ноженьки сами несли меня наверх, едва не опережая капитана. Нечасто приходится нам, журналистам, добираться до места происшествия с таким комфортом.

– Ничего не трогайте, – предупредил меня капитан. – Ваша задача – просто смотреть, а потом вы распишетесь в протоколе осмотра места происшествия, тем самым подтвердив, что присутствовали при всех совершаемых нами действиях.

– А что случилось-то?

– Парня этого убили. Вам плохо не будет?

Я храбро помотала головой, и мы вошли в маленькую однокомнатную квартиру. В ней было как-то пустынно и неуютно; деловито ходившие по ней, занятые своим делом чужие люди придавали жилищу еще более сиротливый вид. Было тесновато; в углу напротив двери жался к стене мужчина средних лет, видно, выловленный, как и я, на улице случайный прохожий. В центре же комнаты, на полу неподвижно распластался в луже крови парень лет двадцати с тремя пулевыми ранениями в груди. Я широко раскрыла глаза – где я могла видеть этого парня? Где?..

Капитан неправильно истолковал мое поведение – я застыла как столб на пороге – и обеспокоенно спросил:

– Вы как?

– Нормально, – вздрогнула я. – Непривычно как-то...

Он невесело хмыкнул.

Пока Палех записывал имя второго понятого, я во все глаза глядела по сторонам. Что же так пусто? А, вон и две сумки у стены. Собирался куда-то, наверное, человек, но не вышло. На столе опрокинутый стакан и разлитый чай; у окна, на полу, разбитая пепельница, маленький обшарпанный коврик сбился в гармошку, да и стол как-то наискосок стоит. Дрался с кем, что ли?

– Имя?

– Что? – отвлеклась я.

– Скажите, пожалуйста, ваше имя и адрес.

– А... Ольга Юрьевна Бойкова. Улица... дом... квартира... – я настороженно покосилась на капитана.

Он, чуть нахмутив брови, пристально смотрел на меня слегка затуманенным взором. Вспомнит, не вспомнит? Уж наверняка фамилия моя ему знакома, и далеко не все в милиции нежно любят мою газету. Я даже затаила дыхание. Уф, не вспомнил!

Мимо прошел человек с пушистой кисточкой в руках, мазнул ею по выключателю почти у меня под носом. Я чихнула.

– Еще один, – удовлетворенно произнес человек.

Я посмотрела на выключатель. Среди множества смазанных следов четко выделялись черным контуром на белом фоне несколько «свежих» отпечатков. Вместе с Петром, вторым понятым, мы послушно стояли в углу, стараясь не мешать и выполнять время от времени команды типа «посмотрите сюда, видите, это осколки от разбитой пепельницы. И на них хорошо видны чьи-то отпечатки. Мы тщательно упаковываем осколки и изымаем их. Распишитесь-ка здесь. А теперь посмотрите сюда...»

Убитого звали Степан Александрович Поликин. Учился он в политехе и, судя по всему, был наркоманом. Парень лежал, завалившись набок, откинув левую руку в сторону, так что даже мне нетрудно было заметить пятна на венах.

– Эх, допелся парень, Степа-баюн, – вздохнул следователь, что-то записывая в протокол.

– Почему баюн? – поинтересовался специалист, с которым они вместе осматривали труп убитого.

– Да все соседи его так звали. Рассказчик, говорят, был замечательный, стихи писал и песни пел. Мне уж все уши прожужжали.

– Вот кто-то и позаботился, чтобы он лишнего не пропел, – неодобрительно заметил врач. – Ладно, пиши: «Смерть наступила предположительно двадцать четыре часа назад, от трех огнестрельных ранений в грудь, два из которых...»

Я совсем притихла в своем углу, чувствуя, как нехороший холодок ползет по спине. Степка-баечник! Ведь про него рассказывал мне Кряжимский. Говорил, у парня талантище на четверых, журналистская работа по нему просто плачет, но дурак, сидит на игле и связался с какой-то темной компанией. Кряжимский пытался ему помочь, даже хотел как-то привести в редакцию, но парень раз за разом не выдерживал и срывался. Не слыша, что мне говорит следователь, я машинально кивнула, не отводя от Степы глаз.

Сергей Иванович, помню, сильно расстраивался и злился, но в последний раз был зол, как сто чертей. Я и не подозревала, что он способен проявлять столь сильное негодование. Степа пытался бросить, но от него ушла девушка, и он в очередной раз сорвался. Кряжимский тогда рявкнул, что убьет дурака, чтобы не мучился.

Так кого же видела соседка? Наверняка Кряжимский заходил к Степе перед отъездом. Стараясь успокоиться, я прислонилась к стене и нечаянно задела старую вешалку на массивных деревянных ножках. Она чуть сдвинулась в сторону, я же просто приросла взглядом к полу. Закатившись за вешалку, на полу лежала зажигалка Сергея Ивановича. Сомнений не оставалось – мы с Маринкой сами выбирали ее пару лет назад в подарок Кряжимскому на его юбилей. Вещь была «с изюминкой», серебряная, невероятно изящная и неизбежно привлекающая восхищенное внимание. Я тогда выдержала жестокий бой сама с собой, чтобы не оставить зажигалку себе, а Кряжимскому подарить что-нибудь другое. Купив ее, мы с Маринкой отдали подарок ювелиру, чтобы тот выгравировал инициалы. Сергею Ивановичу подарок очень понравился, и с тех пор он принципиально пользовался исключительно ею, сама видела вчера вечером...

Закатив глаза, я пошатнулась и рухнула, коршуном бросаясь на зажигалку и окончательно роняя вешалку. Капитан и врач, осматривающие труп, вздрогнули и обернулись.

– Простите, – прошептала я, шаря по полу дрожащими руками и суя зажигалку в карман плаща, пытаюсь встать. Капитан и Петр одновременно подали мне руки, чтобы помочь, но я отшатнулась от капитановой руки, которой он касался трупа, как от крокодиловой пасти.

– Это нервы, – запинаясь и чувствуя, как краснею пятнами, объяснила я, стараясь не смотреть в сторону врача. Но тот, к моему облегчению, уже вернулся к своему прежнему занятию. Действительно, ну подумаешь, неврастеничке плохо стало, он и не такое выдывал на своем веку.

– Все уже в порядке, – поспешила я предупредить вопрос капитана. – Только можно закурить?

Между прочим, не так уж я и симулировала, сердце действительно выскакивало из груди, хотя к чему уж слишком рьяно отрицать свои актерские таланты? Медленно затягиваясь и томно полуприкрыв глаза, я смотрела туда и сюда, продолжая мысленно ставить свои автографы на бирках изъятых вещественных доказательств.

Из редакции мы разошлись вчера в девять вечера, и зажигалка была у Кряжимского, а сегодня в восемь утра он улетел отдыхать. Значит, попала она сюда в этот промежуток времени. Уж не нашего ли Сергея Ивановича видела вчера любопытная Валерия Борисовна? Мы бы пообщались с ней в любом случае: болтун – находка для шпиона, и мог бы получиться интересный репортаж, но теперь у меня в этом деле был особый интерес.

Капитанское «это недолго» оказалось обманчивым, как мираж в пустыне, осмотр затянулся на несколько часов; устав и остервенев, я стала несколько лучше понимать неблагодушное настроение многих сотрудников милиции. Степу увезли, квартира окончательно приобрела разгромленный вид, мои сигареты закончились. Предупредив, что в случае необходимости нас могут вызвать к следователю или в суд, меня и Петра наконец отпустили восвояси.

Петр рысцой потрусил вниз, что-то бормоча на ходу про жену и баню, вернее, головомойку. Я же, хоть зажигалка буквально прожигала в моем кармане дыру, задержалась и была вознаграждена – меня любезно подвезли до дома, поскольку идти к Александре не было уже никакого смысла.

Было очень поздно, а слабость и апатия, которые я всячески изображала в квартире Степы, действительно овладели мною. Выбравшись из душа и зевая во весь рот, я с трудом доплелась до спальни. «Подумаю об этом завтра» – пронеслась последней оправдывающей мыслью знаменитая фраза Скарлетт, и я погрузилась в глубокий сон.

Глава 2

Стоя в коридоре на холодном полу босыми ногами, я пялилась на серебряную зажигалку в своей руке. Я проснулась утром без будильника, и первой мыслью было: а вдруг я ошиблась и зажигалка не Кряжимского? Но, увы, знакомые витиеватые вензеля К.С.И. говорили об обратном. Яростно пытаясь продрать заспанные глаза в ванной, я вспоминала все, что узнала вчера, и пыталась продумать план действий.

Произошедшее казалось попеременно то дурным сном, то неудачной шуткой. В невинности Кряжимского я не сомневалась, но неприятности у него могли возникнуть немалые. Все могло оказаться глупым совпадением, но кто-то вполне мог воспользоваться удобным случаем и подставить его.

Приведя себя в порядок, я позвонила на работу и, проигнорировав Маринкины жалобы на резко возросшее в связи с отсутствием двух штатных единиц количество тяжелой работы, сообщила, чтобы и сегодня меня не ждали раньше обеда. Первым делом я собиралась забрать машину – знакомый механик обещал подсуетиться и сделать все быстро, а затем нанести визит Валерии Борисовне.

Из головы не шли слова Кряжимского: «Уже ничего нельзя исправить. Я такое натворил». Что он имел в виду? Проблема была еще и в том, что я даже не могла позвонить ему и рассказать о случившемся. Сергей Иванович не знал, где остановится, и вообще из вредности собирался держать место своего пребывания в секрете. Чтобы вдруг срочно не вызвали, как ехидно объяснял он.

В редакции я решила ничего не говорить. Да и что пока можно было рассказать?

Я довольно жмурилась ласковому солнцу, закрывая дверцу моей «Лады». Механик слово сдержал, машина снова была на ходу, погода исправлялась. Признаться, я несколько опасалась, что Валерия Борисовна в глубине души обижена на капитана за то, что тот не пустил ее в квартиру и не позволил присутствовать при ее осмотре, и теперь любопытная соседка отнесется ко мне с ревнивым недоверием. Я нажала на звонок, послышались быстрые тяжелые шаги, и дверь распахнулась. При виде меня лицо у Валерии Борисовны несколько вытянулось, явно не меня она ожидала увидеть, даже в глазок не посмотрела, торопилась, а тут нате вам, стоит на пороге такая...

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась я. – Вы ведь меня помните? Я была понятой вчера.

Красноречивый взгляд показал мне, что она помнит, еще как помнит и не забудет, как я нагло и бесцеремонно перехватила у нее внимание следователя, отвлекла серьезного человека от работы и вдобавок была допущена к самому интересному. Дама явно любила сенсации, особенно быть свидетельницей чего-нибудь из ряда вон выходящего, а потом делиться, делиться, делиться впечатлениями с благодарными слушателями. Поэтому я решила не отвлекаться и прямо заявила:

– Вас ведь следователь выделил особо, – я подчеркнула это слово, – назвав ценным свидетелем. Дело в том, что я совершенно случайно здесь вчера оказалась, а вообще-то я редактор газеты «Свидетель». – Торопливо порывшись в сумке, я предъявила мое журналистское удостоверение.

В глазах Валерии Борисовны промелькнул интерес.

– И если бы вы согласились рассказать о том, что произошло, то на основании ваших слов я могла бы написать статью, которая затем была бы опубликована в нашей газете.

– Что за газета? – спросила она.

– Как, вы не знаете? – удивилась я. – Очень известная газета, серьезная, с хорошей репутацией, у нее много читателей. – Я принялась нахваливать «Свидетеля», впрочем, вполне

заслуженно: как-никак, свое детище. – Кое-что теперь, конечно, знаю и я, но, боюсь, объемом информации, которой я владею, настолько незначителен по сравнению с вашим...

– А моя фамилия будет упомянута? – жадно поинтересовалась попавшаяся в расставленные сети Валерия Борисовна.

– Разумеется, – поспешила заверить я ее. – А как же иначе?

– Ну, проходите, – решила она.

Валерия Борисовна явно была образцовой домохозяйкой, меня даже зависть взяла – ну как можно умудриться содержать дом в таком идеальном порядке? Мы прошли на кухню, где огнем играли начищенные кастрюли и сковородки, и я представила себе, какая война тут ведется даже с крошками хлеба. Поэтому как-то нелепо выглядела закатившаяся под батарею бутылка «Фронтальной» местного разлива. Хозяйка проследила за моим взглядом, сильно покраснела и метнулась убирать:

– Это муж мой вчера... того... праздновал...

Я с непроницаемым видом понимающе кивнула – бедняга, наверное, расслабиться захотел – и приготовила диктофон.

– Не возражаете, если я буду записывать наш разговор?

– Вы у меня интервью брать будете? – Валерия Борисовна таяла на глазах. – Ну, значит, теперь уже позавчера, около десяти, я услышала крики из Степиной квартиры. Ой, знаете, как ругались? Такая молодежь пошла! И ладно бы Степка, так ведь и второй как орал! Ну тот, который лет пятидесяти. Я его уж несколько раз здесь видела. Аккуратный такой, импозантный, на вид совсем порядочный мужчина. Хотя, знаете, было в нем что-то преступное... да-да, точно было, зверское такое выражение лица, словно закоренелый какой-нибудь...

История обростала подробностями, как снежный ком, на моих глазах.

– А вы его видели раньше? – поинтересовалась я. – Он часто заходил к Степе? И они так всегда спорили?

– Ну, часто-нечасто, а периодически. Запомнила я его. А видела через глазок: поглядываю время от времени – должна же я знать, что у нас по подъезду за хулиганы шляются. А Степка парень-то достаточно тихий. Был, – поправилась она. – Я этажом ниже живу, мне все и видно, и слышно...

«Не сомневаюсь», – мрачно подумала я.

– Но так в первый раз орали. Угрозы какие-то слышались...

– Вы сами слышали?

– Да там один раз как завопили «Убью!», у меня аж мороз по коже. А потом несколько ударов было, и внезапно все стихло. Потом скрипнула Степкина дверь...

– Именно его? – с надеждой переспросила я.

Валерия Борисовна только фыркнула.

– А затем спустился он, ну, убийца, наверное, – она вдруг перешла на шепот. – Представляете, если я убийцу видела? Он такой высокий, сухощавый, подтянутый...

Сердце мое, казалось, перестает биться: Кряжский, точно он!

– Так ведь кто угодно мог еще зайти потом.

– А вот и нет! – торжественно провозгласила Валерия Борисовна. – Ровно в половине одиннадцатого мы закрываем подъездную дверь, и вчера была как раз моя очередь дежурить. Я спустилась следом за ним, представляете, следом за убийцей! И закрыла дверь, так что больше уже до семи утра, когда Павел Викторович с пятого этажа уходит на работу, в подъезд никто зайти не мог! И следовательно тоже говорил, что Степку убили вечером.

Прикусив губу, я смотрела в окно. Кряжский... Что же такое получается?

– Вы ведь заметили, какой чистый у нас подъезд? Никаких тебе окурков на лестнице, ни мусора, я уж не говорю о чем похуже. – Валерия Борисовна явно и, надо заметить, небез-

основательно гордилась достижениями местного жилищного хозяйства. – Наш подъезд только днем открыт, хотя... – тут она помрачнела, – Степу это не спасло.

– Убить можно и днем, а вот гадить днем в подъезде, это какие нервы иметь надо, – рассеянно заметила я, целиком поглощенная своими мыслями.

Валерия Борисовна энергично закивала, соглашаясь со мной, от бывшей неприязни не осталось и следа – ведь она могла упустить возможность прославиться через газету.

– Никто не мог зайти после половины одиннадцатого, – продолжала она тем временем деловито рассуждать. – Если только кто из соседей не открыл дверь, конечно...

А вот об этом я и не подумала и уже с уважением взглянула на Валерию Борисовну.

– А что, к кому-то часто заходят ночные гости? – спросила я.

– Да нет, – она пожала плечами, явно припоминая досе на каждого из соседей.

Идея ночных посетителей прищлась ей по вкусу, но, к своему огорчению, Валерия Борисовна была вынуждена констатировать:

– Не помню такого. Мы ведь здесь все тихие собрались. Степка единственный был такой молодой, вот к нему-то и заходили иной раз странные личности. Ломились как-то пару раз в дверь, но я на хулиганье милицию наслала, а Степке устроила такую выволочку! – Глаза Валерии Борисовны подернулись ностальгической дымкой.

– И еще к нему часто приходила девушка, симпатичная такая блондиночка, Настею зовут, но что-то я ее уже с неделю не видела.

Вот уж действительно ценный свидетель, но я не знала, что мне делать: то ли восхищаться «настырной гримзой», как назвал ее капитан, то ли же с криком ужаса бежать прочь. «И посадили туда соседку, и назвали таможня» – перефразировался у меня в голове старый анекдот. Валерия Борисовна умела бдить, как Цербер у врат ада, с той лишь разницей, что Цербер, хоть все и видел, но сказать не мог – пес все-таки, а вот Валерия Борисовна охотно делилась собранной информацией.

– Девушка? Бедняжка, наверное, ничего до сих пор не знает, – высказала я предположение.

– Ну, вряд ли, – сидя боком к окну, Валерия Борисовна расправила складки крахмальных занавесок, придирчиво осмотрев результат. – Меня ж когда милиция про Степу расспрашивала, я и им про нее сказала. Давала свидетельские показания, – сказала она, гордо раздуваясь от осознания собственной важности. – Только вот сегодня, утром пораньше, к следователю ходила.

Так, значит, до Насти я первая уже не доберусь, спать надо меньше. Да и где ее искать?

– И как же идет работа у следствия? – будто невзначай вкрадчиво поинтересовалась я.

– Так времени пока прошло всего ничего. Но вопросов задают ужас сколько! Спрашивали еще, не говорил ли Степка, что уезжает. Вещи у него в квартире собраны были.

Я выжидающе посмотрела на соседку убитого:

– И?..

– А мне откуда знать? – искренне удивилась Валерия Борисовна. – В гости на чай ходить не доводилось. Он мне как-то дверь открыть помог, замок сломался, я в дом не могла войти, а он с девушкой как раз по лестнице поднимался. Ловко у него с замком получилось, на удивление. А про отъезд – это у его хозяйки спрашивать надо: Степа квартиру снимал.

– А как бы ее найти? – на моем лице появилось озабоченное выражение. – Вся информация и материалы, которые будут использованы в публикации, должны быть тщательно проверены и объяснены. Иначе у нас не полагается.

Несколько недовольная, что статья будет написана не только с ее слов, Валерия Борисовна все же сочла мои доводы разумными.

– Так уж получилось, что я хорошо знаю Таису, хозяйку квартиры, она здесь сама жила, пока по наследству ей не достался домик с садом. Это, конечно, не так близко к центру, но Таиса просто мечтала о чем-то подобном. Такая увлеченная огородница, диву даешься! Телефона у нее нет, но адрес я дам.

– Спасибо, – поблагодарила я, записывая улицу и номер дома в блокнотик, чтобы не искать нужное место на компьютере, ломая голову, где бы это могло быть. – А вы как соседка что могли бы рассказать о Степе?

Валерия Борисовна возвела очи к потолку, припоминая что-нибудь поинтереснее, и вытащила карамельку из вазы на столе.

– Раньше к нему ходили большие компании, шумели иногда. И знаете, были среди них какие-то отморозки, со стеклянным взглядом, все стены пересчитает, пока по лестнице спустится. Потом прекратилось вроде, да и мы на входную дверь замок поставили, дежурства расписали, кто когда дверь запирает. Со Степой, думали, проблемы будут, молодой все-таки парень, что ему так рано домой возвращаться, но он или вовсе не приходил, а потом и вообще стал часто дома сидеть. На гитаре любил играть, мне часто слышно было. А уж если он во двор вечерами выходил играть, вся округа сбегалась послушать, как он поет. Была у него такая привычка, деревенский парень, – оправдывая Степу, пояснила Валерия Борисовна. – За то дружки и называли его иногда баюном. Хорошо пел.

– А чем он занимался? Друзья какие-нибудь были? Может, приезжал кто?

– Нет, – отмахнулась Валерия Борисовна. – Жил как волк в лесу, особенно в последнее время. Поначалу хоть кто-то появлялся, а уж потом только Настя да этот, который убийца, изредка заходили.

– Почему вы думаете, что именно этот человек убийца? – упертая уверенность соседки начинала меня раздражать.

– Потому что больше некому, – непререкаемым тоном заявила Валерия Борисовна, теребя конфетную обертку.

– А точно никто больше не мог зайти? – не сдавалась я.

Валерия Борисовна с каменным лицом смотрела мимо меня, руки ее яростно терзали фантик от несчастной карамельки.

– Я сама запирала дверь на ключ. Склерозом пока не страдаю и, между прочим, очень аккуратна и пунктуальна, всегда точно выполняю свои обязанности.

– Но может, у кого-то был дубликат ключа?

От Валерии Борисовны ощутимо повеяло арктическим холодом, мои сомнения она явно воспринимала как личное оскорбление. Я поняла, что нарвалась на какой-то «больной» пунтик, и поспешила сменить тему:

– А вы ведь смогли бы опознать уб... того человека?

– Безусловно, я могла бы опознать убийцу, – ледяным тоном ответила она. – В отделении с моей помощью даже составили его фоторобот. Очень похоже, кстати, получилось.

Эх, взглянуть бы!.. Хотя я и так не сомневалась, чей портрет там увижу. В голове появилась вредная идея, и, самую малость посомневавшись, я все же решила ее реализовать.

– Слушайте, Валерия Борисовна, – жутковатым шепотом зашипела вдруг я. – А ведь вы теперь в опасности! Если убийца узнает, что вы его видели...

Она испуганно взглянула на меня, такой мысли у нее явно не возникало.

– И правда, – заволновалась Валерия Борисовна. – Надо же...

Я многозначительно кивала головой.

– Минуточку, – спохватилась она, с подозрением глядя на меня. – Это что же получается, вы в газете это все и напечатаете?

Я отвела глаза в сторону.

– А вдруг убийца и на самом деле решит меня... ну, чтобы не указала на него... убить? – последнее слово она произнесла на выдохе, почти неслышно.

«Что, посмертной славы не захотелось?» – с мрачным удовлетворением подумала я, выключила диктофон, долгим проникновенным взглядом посмотрела на Валерию Борисовну и наконец сказала:

– Что ж, я могу отложить публикацию на некоторое время, разумеется, так, чтобы она не успела потерять своей актуальности...

Валерия Борисовна торопливо кивнула, соглашаясь.

– Но и вы тоже должны как можно меньше распространяться об обстоятельствах произошедшего и о нашем разговоре в том числе. Ну а я, в свою очередь, очень надеюсь на вашу помощь. Ведь чем скорее мы разберемся в этом деле – сами знаете, как иногда медленно работают наши правоохранительные органы, – тем скорее вы будете в безопасности, а я, завершив журналистское расследование, получу отличный материал, который, кстати, во многом будет основываться на ваших показаниях, о чем я, разумеется, обязана буду упомянуть. Согласны? Тогда вот вам мой телефон, если что вспомните, звоните в любое время.

В машине я с облегчением вздохнула и на минутку расслабилась, закрыв глаза. Общение с подобными людьми очень утомляет. Хорошо, что окна Валерии Борисовны выходят на другую сторону дома, пронеслось в голове, а то сейчас бы чувствовала на себе ее пристальный взгляд из-за занавески. Она еще бы и номер моей машины записала... Тьфу, неврастеничка! Сама же ей представилась и телефон оставила. Да, Валерия Борисовна у кого хочешь вызовет паранойю. Итак, Оля, что будем делать дальше? Почему-то Валерия Борисовна убедила меня, что соседи, скорее всего, действительно не открывали дверь, и эту версию я решила рассмотреть как запасной вариант. Оставив Степиных друзей и девушку вопреки всякой логике «на потом», ведомая каким-то шестым чувством, я поехала к Степиной квартиродательнице.

Глава 3

Через час, вдоволь поплутав по незнакомым переулкам и потеряв всякую веру в пресловутую женскую интуицию, я наконец нашла то, что искала. Ах, я бы тоже не отказалась от такого наследства! Небогатый, но симпатичный, опрятный домик прятался за деревьями, а огромный сад с тропинками и многочисленными розовыми кустами вызвал во мне легкое чувство зависти. Как, наверное, приятно просыпаться здесь, распахивать окно по утрам, вдыхая напоенный цветочными ароматами воздух и слушая пение птиц! Ага, а также вести непрерывную борьбу с комарами и каторжно гнуть спину, копаясь на этих сотках.

Убедившись, что собаки в саду нет, я толкнула калитку и, пройдя по мощенной плитками дорожке среди цветов, поднялась на крылечко и нажала звонок. Никто не откликнулся. Немножко подождав, я позвонила еще раз, но с тем же результатом. Расстроенная, я повернулась и, кляня себя на чем свет стоит, направилась было назад, но у калитки столкнулась с небольшого роста худенькой женщиной с забранными сзади в пучок седыми волосами и квадратных очках.

– Вы ко мне? – спросила она, оглядывая меня с головы до ног.

– Наверное, да, – честно призналась я в своей неосведомленности. – Я ищу Таисию... – я запнулась, так как не знала ее отчества.

– Значит, ко мне, – кивнула женщина. – Таиса, зовите лучше так. Пойдемте, вы по какому делу? По поводу яблоневых саженцев?

– Вообще-то нет, – ответила я, возвращаясь вслед за ней по той же тропинке.

– А кажется, я вам обещала луковицы гладиолусов? Я уж думала, что вы за ними не придете.

– Что вы, за такой красотой и не прийти, – сказала я, уважительно глядя на цветочное буйство вокруг. – Но я насчет Степы, он квартиру у вас снимает.

Она обернулась и пристально посмотрела на меня.

– А вы кто будете?

– Я из студенческого совета политехнического университета. Мы с ним работаем вместе, ну и еще он у нас там кто-то вроде подшефного. Вернее, не так. Наш совет помогает студентам, которые нуждаются в помощи, иногда материально, иногда советом, словом, чем сможем. Степа же из деревни приехал, ему в городе сложно было... Он уже две недели не появлялся на занятиях, и дома у него никого нет. Я как друг просто забеспокоилась. Соседи сказали про вас. Вы не знаете, ваш квартирант куда не собирался уезжать?

Она еще раз смирив меня взглядом. Мне с детства не раз говорили, что у меня удивительно честные глаза, и теперь весь мой облик дышал неподдельной тревогой и обеспокоенностью за друга, и Таиса, повернув ключ в замке, сказала:

– Собирался, но, боюсь, это теперь уже неважно – вчера вечером его нашли мертвым.

– Как?! – мои честные глаза, казалось, сейчас выскочат из орбит, а челюсть так и останется лежать на груди. – Кто нашел?

– Почтальон. Принес телеграмму о том, что отец его болен, увидел приоткрытую дверь, заглянул и пошел звонить в милицию.

– Надо же! – вырвалось у меня. – А вы откуда все это знаете?

– Только что из прокуратуры вернулась, они меня там тоже про Степу расспрашивали.

– С ума сойти... Можно я присяду?

Таиса провела меня в светлую чистенькую кухоньку, тоже заставленную цветами.

– Давай-ка я тебе чаю налью сладкого, а то на тебе прямо лица нет.

– Спасибо. Как же все это произошло?

– Его застрелили позавчера. Три раза стреляли.

– И только вчера нашли? Никто выстрелов не слышал, что ли?

– Не слышал. Наверное, пистолет был с глушителем.

Она сняла с огня закипевший чайник, стала разливать заварку.

– Не удивляйся, чай с травами, но вкусный. Тем более полезный, ты ведь наверняка, как все молодые девки сейчас, травишь себя диетами...

– Это ужасно. А это точно Степа?

Она невесело усмехнулась моим попыткам уйти от неприятной истины.

– Точно. Мне показывали фотографию. Бедный парень...

– А что же от вас в прокуратуре хотели?

– Спрашивали, что я знаю про Степу, да только что я могла им рассказать? Квартиру он у меня в общей сложности два года снимал, сначала исправно платил, а потом такие перерывы были, я уж думала с ним расстаться. Но мне его стало жалко, парень-то приезжий, ни родственников у него, никого здесь не было. Тяжело ему, наверное, приходилось. Я сама знаю, каково это. Родители его не поддерживали, обижались, что в город сбежал, а они его наследником в деревне прочили. Он письма им слал, но ответов не приходило. А потом все опять пошло на лад. У меня к нему претензий никаких не было. Что я еще могу сказать?

Она задумчиво размешивала сахар ложечкой и глядела в окно на залитый солнцем сад.

– Единственное, разве что, когда он долго не платил и не появлялся, я сама решила съездить к нему. Ключи у меня, естественно, были. Когда я зашла, Степан спал на диване, в комнате царили бардак и полное запустение, будто человек, который там обитает, редко-редко показывается дома либо ему абсолютно все равно, что его окружает. Я его так и не смогла тогда добудиться. Но это было больше года назад, Степа тогда так извинялся... И правда, больше ничего подобного не происходило. Вот в принципе и все.

– Вы говорили, что он собирался уезжать, – напомнила я.

– Ах, да! За три, – она принялась мысленно подсчитывать, – да, за три дня до того, как его убили, он пришел и сказал, что уезжает. Я еще удивилась, что ж это он раньше не предупредил, я бы новых жильцов подыскала, а он ответил, что все получилось неожиданно для него самого. Мы договорились, что ключи он оставит у Валерии, она тебя, наверное, ко мне и отправила. А вышло вон как... Неплохой он был парень, но какой-то несуразный. Нелегко ему, по-моему, было идти по этой жизни, – подытожила она. – Степа был похож на человека, у которого талант выискивать проблемы на свою голову.

Я вздохнула так, что заколыхался перекладной календарь, висящий на стене, и отодвинула пустую чашку. Чай был невероятно вкусен, в любое другое время я бы обязательно спросила, какие травы нужно заваривать, чтобы добиться такого настоя, но сейчас момент был не слишком подходящий.

– Еще раз спасибо, – я встала из-за стола. – И не знаю, как скажу все это ребятам. Вы меня просто ошарашили.

– А уж как меня ошарашили сегодня утром, сообщив, что у меня в квартире на полу лежит труп...

Теперь я направилась в политех: мне нужно было найти Настю и Степиных друзей. Еще необходимо было отыскать Кряжмского, и желательно раньше, чем это сделает милиция. Плохо было то, что я абсолютно не представляла, как это сделать. Где он может быть? В Лазаревском, как обещал? В гостиницу он наверняка не поедет. В захолустье тоже не отправится, удобства любит. Следовательно, сфера гипотетических поисков – частный сектор, а точнее, там, где можно снять комнату с отдельным душем и туалетом. Даже если бы я тоже оказалась в Лазаревском, гораздо больше шансов было бы просто встретиться на улице. Повеситься можно!..

Оставалось надеяться только на то, что, не выдержав, через несколько дней Кряжимский позвонит сам, поэтому надо все-таки предупредить ребят в редакции. Сворачивая на долгожданные центральные знакомые улицы, я достала мобильник.

– Марина? Привет, солнце мое. Как дела, работа спорится, горит огнем?

– Вот-вот, именно огнем, – ответил мне мрачный Маринкин голос. – Если бы наша многоуважаемая шефиня хотя бы изредка появлялась на работе, она была бы в курсе некоторых событий.

– А что случилось? – встревожилась я.

– Мы не успеваем, – трагически выдохнула в трубку Маринка. – Не успеваем подготовить номер.

– Фу ты, испугала! – с облегчением вздохнула я. – Мы каждый раз не успеваем, и тем не менее газета выходила в срок.

– Когда все сотрудники здесь, – ехидно подпустила Маринка.

– Скоро буду, – пообещала я. – А Виктор на месте? Позови его, пожалуйста.

Трубка щелкнула по столу, я услышала призывный вопль, затем какое-то время доносилось только бормотание Маринки, что-то объяснявшей Роману. Через минуту до меня наконец дошло, что Виктор уже взял трубку и некоторое время ждет, пока я к нему обращусь. Ох уж эти коллеги! Только я не имею права на свои странности – просто ждет меня массовое неодобрение, а вот к феноменальной молчаливости Виктора ничего, привыкли.

– Виктор? Здравствуй. Мне нужна твоя помощь, – сразу начала я с места в карьер. – Сможешь часа через полтора подойти к нашему бистро?

Так мы называли близкое к редакции кафе, куда ходили, когда хотелось чего-нибудь посущественнее, чем Маринкин кофе. Правда, не раз возникало предложение кофе брать с собой. Услышанный в трубке звук я посчитала утвердительным ответом.

– Отлично. Там все и расскажу. Кряжимский не звонил? Нет? Если вдруг будет, пусть обязательно найдет меня. Обязательно, слышишь? Хорошо, тогда до встречи.

А вот и политех, а вон и студенты. Ух, как их много! Кто среди них друзья Степы? Кто враги? И кого в конечном итоге больше?

Пристроив «Ладу» в тенечке, я отправилась искать ответы на эти вопросы. При входе вместо студенческого билета предъявила редакционное удостоверение – никто и не заметил разницы. Степа учился на архитектурном; надеюсь, я по адресу. Интересно, знают ли здесь уже обо всем, что произошло? Надеюсь, еще нет.

Мне повезло, был как раз перерыв. Студенты клубились толпами, и, по-моему, учеба занимала их менее всего. Смех, шуточки, заигрывания, баночки «ром с колодой» – правильно, ребята, что нам сентябрь? Жизнь у вас только начинается, только вот у Степы она, к сожалению, по чьей-то вине закончилась. И по чьей-то вине у Сергея Ивановича Кряжимского могут быть серьезные неприятности.

Меня толкнули. Правильно, Оля, нечего мечтать в этом водовороте. Я огляделась. У одного из окон одиноко стояла девушка, барабанила пальцами по подоконнику. «Вот с тебя и начнем», – решила я.

– Извините, Степан Поликин не в вашей группе учится?

– Нет, он в тридцать пятой.

Вот это повезло, я прямо ушам своим не поверила – так сразу!

– А где мне можно его найти?

– Вряд ли вы его найдете, – фыркнула девушка. – Я его неплохо знаю и могу сказать, что в этом семестре он появлялся от силы пару раз.

– А как же мне до него добраться? Дома я тоже никого не застала, а у меня дело срочное. Девушка недоверчиво смотрела на меня.

– Ну, у Сашки спросите Половцева или у Алексея Алехина из тридцать пятой. Может, скажут, а может, и нет. – В ее тоне заметно проскользнули насмешливые нотки. – Пойдемте, покажу их, а то, чувствую, уже никого не дожусь. Эта Настя...

– Настей звали, я знаю, девушку Степана, – сообщила я наугад.

Девушка обернулась.

– Звали. Ее-то я и ждала, но она почему-то не появилась. А вы чего, собственно, хотите?

– К сожалению, у меня плохие новости, и мне обязательно нужно найти Степу. Его отец тяжело болен, а у них еще такие напряженные отношения. Посылали телеграмму, но ни Степана, ни ответа не дождались. А я, скажем, друг семьи, родители наши дружили, и живу в Тарасове, меня и попросили его найти.

– Вот как, – на лице девушки появилось сочувствующее выражение. – Странно, что он не ответил. Он переживал из-за разлада с родителями. Злился сначала, конечно, но потом понял, что напрасно. А вот они его, по-моему, не понимали. А вон и Санька. Санек! Иди сюда! – закричала она и помахала кому-то рукой. От толпы отделился и вальяжной походкой направился к нам весьма расхлябанного вида парень с серьгой в ухе.

– Танюха, привет! Классно выглядишь. Решила все же найти для меня минутку?

– Непременно.

Не знаю, как Саньку, а мне в Танином «непременно» явно послышалось «как же, держи карман шире».

– Слушай, ты не знаешь, где можно найти Степку? Его родственники ищут, у него отец заболел. Дома его тоже нет. Ты его когда последний раз видел?

– Дня четыре назад, у Алексея.

– О, это значит Степку теперь только там искать, – протянула Татьяна. – Если он дома не появлялся, это может затянуться надолго. – Не скажи, – загадочно ответил Санек. – Настя к Алексею ушла.

– Чего? – Татьяна яростно затрясла головой. – Скажи мне, что это шутка, глюк, мираж, что угодно! Вот идиотка! И ведь к кому...

– Что, у самой на Леху планы были? – сладенько осведомился парень.

– Дурак, – гневно отмахнулась Татьяна и повернулась ко мне:

– Попробуйте поискать его в Алексеевой компании, вдруг повезет.

– А что за Алексей? – Я напоминала сама себе лошадь перед стартом: ушами прыгает, фыркает в нетерпении, бьет копытом. Чем не я? Версия номер один – убийство из-за девушки, все лучше, чем убийство Кряжимским неизвестно по какой причине.

– Знакомый, – несколько неохотно ответила Татьяна. – Найти его можете вечером в городском парке, около лодочной станции, там они любят собираться. Вы его сразу узнаете: светлые волосы до плеч, эдакое отвратительное мочало, светлые глаза, сломанный нос, шрам через правую бровь. Колоритен, в общем.

Ничего себе портрет! Хотя я по собственному опыту знала, что за такой вот непрезентабельной внешностью может скрываться умнейший человек, философ-лапочка или гениальный астрофизик; просто в детстве под машину попал, и с тех пор зубов не хватает.

– Понятно. Но дайте мне на всякий случай адрес Насти, пожалуйста. Может, она что знает.

Таня в сомнении пожала плечами, но требуемое сообщила. Я откланялась и поспешила к выходу, успев все-таки услышать голос Саньки:

– Это, что ли, родственница? Симпатичная.

– Не пойду я с тобой на свидание, – вздохнула Таня. – Юбочник чертов!

Теперь у меня появилась интересная информация о Степиной девушке и о третьем лице, с которым Степа мог вступить в конфликт из-за этой самой девушки, Алексея.

День еще был в самом разгаре, а я уже чувствовала себя вымотанной. К тому же есть хотелось ужасно. Я пришла в кафе раньше Виктора, села за любимый столик, благо был свободен, и заказала себе салат и пирожные с черным кофе. Я как раз жадно вылавливала последний капустный листик из тарелки, как подошел Виктор.

– Приятного аппетита, – вежливо произнес он, присаживаясь рядом. – Что случилось?

– Закажи себе что-нибудь, – попросила я. – Ненавижу есть одна.

С сочувствием посмотрев на меня, наш фотограф тем не менее послушно заказал себе блинчики с чаем.

– Так-то лучше, – удовлетворенно заметила я. – Хотя, боюсь, то, что ты сейчас услышишь, отобьет тебе аппетит.

Я выбрала пирожное, зацепила его двумя пальцами и откусила. Какое счастье, что Виктор такой терпеливый...

– Помнишь, Кряжимский рассказывал однажды про невероятно талантливого парня, Степана? – наконец начала я. – Того, которого называл баюном и который вроде бы сидел на игле?

Виктор молча кивнул.

– Этого Степу позавчера убили тремя выстрелами в грудь с близкого расстояния. И представь, все улики указывают на нашего Сергея Ивановича.

Взгляд Виктора явно требовал пояснений, и я подробно рассказала о том, как стала понятой при осмотре места убийства, как нашла зажигалку, что узнала от соседки и так далее.

– У милиции уже есть его фоторобот, отпечатки пальцев, его сможет опознать соседка, которая уверена, что Кряжимский – последний, с кем общался Степа, и, следовательно, убийца. Пока они не знают, кто такой Кряжимский, но рано или поздно, и я подозреваю, что это будет скорее рано, чем поздно, кто-нибудь укажет на Сергея Ивановича, и ему, поверь, будет сложно опровергнуть обвинение. Слишком уж много совпадений – будто кто-то специально пытается свалить вину на него.

Вид у Виктора был несколько обалдевший, и ничего удивительного. Любой нормальный человек, которому за обедом между делом сообщат, что ваш хороший друг и коллега по работе подозревается в убийстве, вернее, вот-вот будет подозреваться, будет, естественно, в шоке. Вот почему по этому поводу надо было неотложно что-то предпринимать.

– А сам Сергей Иванович ничего такого перед отъездом не говорил?

– Какого? – огрызнулась я, так как предстояло делиться самой непонятной информацией. – Мне показалось, что он был расстроен. Пару раз повторил что-то наподобие того, что ничего уже нельзя исправить. А еще я обратила внимание на свежую ссадину, вот здесь, – я провела пальцем по костяшкам правой руки.

Виктор все еще молчал.

– Ну скажи что-нибудь! – взмолилась я. – Если уж я сама почти начинаю сомневаться в его невиновности, а я-то точно знаю, что Кряжимский не способен на такое, представляешь, к какому выводу придет следствие?

– Вполне, – соизволил наконец промолвить Виктор. – Хотя и необязательно, конечно, что именно к этому выводу оно и придет...

– Но пока, как ни посмотри, только данный вывод и получается. Тебе он тоже не сказал, где собирается остановиться?

Виктор покачал головой.

– До чего же вовремя он взял отпуск. Как чуял... – я перехватила укоризненный взгляд нашего фотографа и возмутилась: – Да я не о том! Просто, чем больше человек в настоящую минуту нужен, тем меньше шансов его найти!

– Почему ты ничего не сказала Маринке и Ромке?

Я опустила глаза, не имея не малейшего представления, как этот факт объяснить.

– Не знаю, – окончательно убедившись, что с логической точки зрения прояснить мотивы своего поступка не удастся, призналась я. – Мне как-то неудобно перед ними, а особенно перед Кряжимским, за то, что я почти подозреваю его в совершении убийства.

– А я?

– А твоя помощь мне просто необходима, – честно сказала я. – Я знаю, что время от времени вы общались с Кряжимским и не на работе, хотя, конечно, кто из нас этого не делал... Может, он что-нибудь тебе рассказывал про Степана?

Виктор сосредоточенно вертел на вилке нетронутый блинчик.

– Если человек несчастлив, значит, у него на это есть причины, и насильно счастливым его не сделаешь, – вздохнул он наконец, положил блинчик обратно и взялся за чашку с чаем. – Так и со Степой получалось: Кряжимский уже избрал ему будущее – талантливый журналист, а парень еще и сам не знал, чего ему в этой жизни надо. К тому же Степа крепко засел на игле, а бросить воли не хватало. Кряжимский за ним как второй папа ходил, еду приносил, когда у парня и крошки дома не было, давал денег за квартиру заплатить, разговаривал с ним, одним словом, помогал как мог. И хотя парень не учился толком, его почти выгнали из института, и шлялся он неведомо где, думаю, случалось и квартирные деньги переводить на наркотики, ты же знаешь нашего Сергея Ивановича – упрям как черт. Да и парень все же не совсем дурак был: понял, что чего-то еще хочет в жизни, и взялся за ум.

– Да, я помню: Кряжимский хотел нас как-то познакомить с юным дарованием, будущей звездой журналистики, – подтвердила я, про себя изумляясь столь необычному для молчуна Виктора монологу. – Как тогда Ромка на него дулся, вспомнить страшно!

– Все оказалось не так просто, – продолжал Виктор. – На наркотики деньги нужны, Степан и связался с какой-то компанией. Потом соображать стал, понял, куда вляпался, но ведь, когда доза нужна, все по барабану. Уж не знаю точно, что они там еще натворили, но, по словам Кряжимского, разграбили пару ларьков и один сожгли, а также проникновенно беседовали по ночам с поздними прохожими, убеждая их пожертвовать деньги на хлеб несчастным и немощным. И вроде бы, когда Степа решил завязать, нашел работу, он тогда даже деньги Кряжимскому вернул, кое-кто из его «друзей» начал возмущаться, что же, мол, мы, гад, недостаточно для тебя хороши? Чумарили, в общем, и не отпускали.

– А как они с Кряжимским познакомились? – данный вопрос давно не давал мне покоя.

– Не знаю точно, – пожал плечами Виктор. – Но это было приблизительно в то время, когда Сергей Иванович готовил серию статей о преступности среди молодежи и, в частности, о наркотиках. Помнишь?

Я мрачно кивнула.

– Вроде бы как была ментовская облава на наркоманов, и Кряжимский тогда умудрился отмазать парня, ссылаясь на его участие в журналистском расследовании. И с тех пор он, видимо, решил, что раз уж вмешался в естественный ход событий, то и доводить дело надо до конца.

– А про Настю ты что-нибудь знаешь? – спросила я под конец.

Виктор говорил уже так долго, и я начала панически бояться: в любую минуту он мог закрыть рот и отделаться от меня выразительным мычанием. Но чувствуется, дело действительно показалось Виктору серьезным, и пока сложностей в общении из-за его гипертрофированной тяги к молчанию не возникало.

– Девушку его?

– Бывшую, – поправила я его.

– Ну да, – согласился он. – Теперь бывшую. Любил он ее сильно, а она, по словам Кряжимского, совсем пропащая наркоманка.

– А про Алексея со сломанным носом ничего не слышал?

Виктор отрицательно покачал головой.

Разговор на некоторое время прервался. Виктор переваривал услышанное, и я решила все же доесть пирожное, обдумывая, что делать дальше.

– Давай вот как, – вдруг первым нарушил молчание Виктор.

Я чуть не подавилась от неожиданности, закашлялась и просипела:

– Говори, говори!

– Ты ищешь Настю, а я пытаюсь найти его друзей-нарков и этого Алексея. С чего бы это Степа вдруг решил уехать? Уж не бежал ли от кого?

– Да, кое-что это бы объяснило.

– Где, ты говоришь, эта компания любит собираться по вечерам? В городском парке? После работы туда и пойду, поговорю, – несколько зловеще добавил он.

– Ладненько. А я попробую найти Настю сейчас и потом тоже приеду на работу. Пусть Маринка не думает, что я забыла о том, что у нас завтра выпуск. И если будет звонить Кряжимский, скажи ему, чтобы немедленно возвращался, и другим скажи, чтобы передали ему то же самое. Придумай какую-нибудь уважительную причину. Пусть он лучше сам приедет, чем его потом под конвоем привезут. Как скрывшегося преступника.

– По этапу, – сказал Виктор.

– Что?

– Это называется привезти по этапу.

– Боже! – только и хватило сил у меня произнести.

– А ты представь, как будет интересоваться твоей поисковой деятельностью прокуратура, – успокаивающе довесил он.

Я вскочила со стула и убежала прочь, пока он не сказал еще чего-нибудь в том же роде жизнеутверждающего.

Глава 4

Дома у Насти никого не было, поэтому на работу я попала быстро. Маринка встретила меня укоризненным взглядом.

– Еще не вечер, – твердо сказала я. – У меня полно времени для того, чтобы выполнить все свои обязанности.

– Держи, – вместо ответа она сунула мне в руки ворох бумаг. – Твои заметки и черновики к статье, которая идет завтра на первой полосе. Было бы неплохо, если бы мы вовремя смогли отправить их в верстку.

Не будь у меня заняты руки, схватила бы обеими за голову. Как я могла забыть? Понятно теперь, почему Маринка так нервничала.

– Кряжимский не звонил? – садясь за компьютер, крикнула я из другой комнаты.

– Имей совесть, в конце концов. Человек только что уехал!

– На море, – мечтательно провыл из дальнего угла Ромка.

– Может, я соскучилась, – буркнула я в ответ.

Возможно, это и неправильно, но за работой я забываю обо всем. Вот и сейчас черные буквы на экране монитора мгновенно вытеснили из моей памяти Степу, Настю и даже Кряжимского. Статья получалась интересная, я довольно долго готовила к ней материал, и теперь хотелось как можно скорее насладиться готовым результатом своих трудов. Вот только редактирую чуть-чуть...

– Ольга Юрьевна! – вдруг донеслось до меня.

– А? – вскинулась я. Судя по тону, звали меня не в первый раз.

Я подняла голову и остолбенела. Передо мной, гордо выпятив живот и надменно созерцая меня сверху вниз, стоял Стопорецкий собственной персоной. Неподалеку застыл его секретарь, а у стола в нетерпении подрагивал вчерашний старичок.

– Вот! – указуя перстом, обличающе воскликнул он. – Вот, я же говорил – пьянство прямо на рабочем месте!

Я невольно посмотрела в указываемом направлении: импульсивный дедуля тыкал пальцем в бутылку с коньяком, которым, добавляя в кофе, согревала меня вчера Маринка.

– Вертеп! И вот такие люди работают у нас в печати! Формируют, можно сказать, общественное мнение! – продолжал буйствовать старичок. Борода его при этом мелко тряслась, а глазки так и посверкивали от вождения при виде темно-янтарной жидкости в бутылке.

Стопорецкий гаденько улыбался.

– И в самом деле, что же это вы, Ольга Юрьевна, прямо на работе злоупотребляете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.